

са). По истечении указанного срока судебная инстанция направляет исполнительный лист для принудительного исполнения судебному исполнителю, который в 10-дневный срок проводит проверку денежных средств, находящихся на банковских счетах юридического лица, выставляет финансовому учреждению инкассовое поручение о перечислении суммы штрафа на указанный в исполнительном листе счет. Если в 30-дневный срок со дня поступления исполнительного листа в финансовое учреждение инкассовое поручение не исполнено по причине отсутствия или недостаточности денежных средств, судебный исполнитель принимает решение об обращении взыскания на имущество юридического лица.

Неуплата штрафа может повлечь негативные последствия. Так, в УПК Кыргызской Республики содержится положение, что в случае неуплаты юридическим лицом штрафа в течение одного месяца орган исполнительного производства вносит в суд представление об удвоении суммы штрафа. Если и после этого юридическое лицо не уплачивает денежное взыскание, суд вносит представление о его ликвидации (ст. 154 УПК).

В таких странах, как Хорватия, Черногория, Сербия, возможно условное осуждение к штрафу. В этом случае при решении вопроса о применении условного осуждения учитываются степень ответственности юридического лица за совершенное преступление, меры, принятые юридическим лицом в целях предотвращения и раскрытия преступления, и меры, которые были приняты в отношении виновного в совершении преступления физического лица. Так, в Сербии судебные органы, назначая юридическому лицу штраф, одновременно устанавливают условие: приговор не будет исполнен, если осужденное юридическое лицо в период испытательного срока, который может составлять не менее одного и не более трех лет, не будет привлекаться к ответственности за преступление.

Условное осуждение может быть применено к юридическому лицу и в Хорватии. При этом денежный штраф назначается одновременно с испытательным сроком. Если новое преступление не было совершено, то штраф не взымается.

Положительное воздействие уголовных санкций невозможно достичь исключительно с помощью законодательных мер. Как показывает международная практика, даже самые высокие штрафы, которые взымались с корпораций, были существенно ниже максимальных размеров, установленных в законе, что негативным образом влияло на факторы, сдерживающие преступную деятельность юридических лиц. Например, в Эстонии соотношение максимального размера штрафа, применяемого к юридическим лицам и установленного в законодательстве, составило 5 %, в Литве – 7,9 %. Достаточно высокий процент был зафиксирован в Латвии и Хорватии. Он достигал в ряде случаев 50 %. В связи с чем многим странам международными экспертами было рекомендовано рассматривать вопрос о возможности назначения максимального размера штрафа.

УДК 343.43

Е.А. Коротич

СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЛИЧНОЙ СВОБОДЫ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Общепризнано, что субъектом преступления является лицо, виновное в совершении общественно опасного и противоправного деяния, обладающее необходимой совокупностью юридически значимых признаков. Данные признаки не только позволяют определить круг лиц, которые могут быть привлечены к уголовной ответственности, но и отражают связь данного элемента состава преступления с другими его элементами.

В теории уголовного права признаки субъекта преступления традиционно подразделяются на две группы: основные (признаки общего субъекта) и дополнительные (признаки специального субъекта). В силу того что содержание правоотношений в сфере реализации личной свободы человека, как правило, не требует участия особого круга субъектов, условием привлечения виновного лица к ответственности за посягательства на указанное социальное благо является его соответствие признакам общего субъекта преступления (за исключением деяния, предусмотренного ст. 184 УК Республики Беларусь). Согласно общей концепции субъекта преступления, которая реализована в УК, к числу данных признаков относятся следующие характеристики.

В силу требований ст. 5 и 6 УК субъектом преступлений против личной свободы может быть только физическое лицо – гражданин Республики Беларусь, иностранный гражданин или лицо без гражданства. Иными словами, УК исключает возможность признания субъектом преступления коллективных образований (например, юридических лиц), что в полной мере соответствует традициям нашего уголовного законодательства. Вместе с тем следует отметить, что зарубежное уголовное законодательство, равно как международное уголовное право, не исключает юридических лиц из числа субъектов преступления в целом и преступлений против личной свободы в частности (например, торговли людьми). Согласно ч. 3 ст. 10 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г., ратифицированной Республикой Беларусь, возложение уголовной ответственности на юридических лиц не наносит ущерба уголовной ответственности физических лиц. Данная норма является рекомендацией общего порядка, в связи с чем юридически значимых последствий для государства не влечет, однако тот факт, что Беларусь, выражая согласие на обязательность указанного международного договора, не сделала каких-либо оговорок, может отчасти свидетельствовать о том, что окончательное решение по вопросу об уголовной ответственности юридических лиц еще не принято.

Вторым обязательным признаком субъекта преступлений против личной свободы является достижение лицом установленного законом возраста уголовной ответственности. По общему правилу ответственность за данные преступления наступает с 16 лет (ч. 1 ст. 27 УК). Однако из этого правила имеется несколько исключений.

Во-первых, фактическое: речь идет о субъекте незаконного помещения в психиатрический стационар. Поскольку субъект данного преступления специальный, то в отношении указанного деяния на первый план выступают дополнительные

характеристики виновного лица, которыми исходя из смысла уголовно-правового запрета, предусмотренного ст. 184 УК, может обладать только лицо, достигшее возраста 18 лет. Иными словами, при привлечении лица к уголовной ответственности по ст. 184 УК установление возрастных характеристик субъекта преступления не имеет существенного значения, поскольку изначально возраст предопределен статусом (служебным положением) лица, имеющего право принимать решение о госпитализации человека в психиатрический стационар или удержании его в таком стационаре.

Во-вторых, юридическое: уголовный закон устанавливает пониженный возраст (14 лет) для субъекта такого преступления, как похищение человека. Следует отметить, что в доктрине уголовного права такое законодательное решение неоднократно подвергалось критике и, надо признать, в ряде случаев вполне обоснованной. Как известно, перечень преступлений, совершение которых влечет уголовную ответственность с 14 лет, сформулирован законодателем на основе таких критериев, как высокая степень общественной опасности соответствующих преступлений и ее очевидность для лиц, достигших 14-летнего возраста, а также относительная распространенность соответствующих преступлений в структуре преступности несовершеннолетних в возрасте 14–15 лет.

Несмотря на сложный характер деяния в составе похищения человека, мы не ставим под сомнение возможность и способность лица, достигшего 14 лет, осознавать запрещенный (противоправный) и общественно опасный характер похищения человека. Однако, учитывая то обстоятельство, что незаконное лишение свободы – гораздо более простое как с точки зрения осознания, так и возможности совершения преступления – влечет наступление ответственности с 16 лет, представляется целесообразным либо унифицировать возрастной порог уголовной ответственности для субъектов данных преступлений, либо реформировать УК более радикально, а именно: установить пониженный возраст наступления ответственности за незаконное лишение свободы и исключить при этом из ч. 2 ст. 27 УК похищение человека.

Последний технико-юридический прием видится более оптимальным. Как представляется, он позволит обеспечить баланс между субъективным и объективным критериями установления пониженного возраста уголовной ответственности, а также сократить перечень деяний, за совершение которых уголовная ответственность наступает с 14 лет, что соответствует современной тенденции гуманизации уголовной политики. Кроме того, данный подход может способствовать и реализации превентивной функции уголовного закона, прежде всего двойной превенции – снижение возраста уголовной ответственности за менее тяжкое преступление, которым и фактически, и юридически является незаконное лишение свободы, с целью предупреждения совершения более тяжких преступных посягательств, таких как похищение человека и захват заложника.

В-третьих, обязательным признаком субъекта преступлений против личной свободы является вменяемость лица, совершившего соответствующее деяние.

Несмотря на общую очевидность признаков субъекта преступлений против личной свободы, вопросы установления круга субъектов отдельных посягательств на свободу человека по-прежнему являются предметом научных дискуссий. В частности, в доктрине уголовного права неоднократно поднимался и продолжает подниматься вопрос относительно определения круга субъектов похищения человека, что объясняется главным образом попытками ряда авторов обосновать целесообразность исключения из перечня субъектов похищения человека тех лиц, которые имеют родственные или иные законные связи с похищенным и в действиях которых отсутствует какой-либо низменный мотив. Особенно актуальной данная проблема становится в отношении случаев похищения ребенка (прежде всего малолетнего).

В силу того что Кодексом Республики Беларусь о браке и семье, а также актами отраслевого законодательства (в частности, КоАП, УК и др.) закреплены меры правового и организационного характера, использование которых предоставляет широкие возможности для защиты на законном основании прав как самих детей, так и лиц, правомочных участвовать в их воспитании (родителя, проживающего отдельно от ребенка, деда, бабушки и др.), нельзя согласиться с теми авторами, которые безапелляционно исключают из числа возможных субъектов похищения человека родителей, близких родственников и других лиц. Полагаем, что до тех пор, пока в норме уголовного закона отсутствует оговорка относительно исключения из числа субъектов похищения человека отдельных категорий лиц, подобные ограничительные подходы следует рассматривать как противоречащие воле законодателя.

УДК 616.89

А.А. Кралько

РОЛЬ МЕР МЕЖВЕДОМСТВЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ПРОФИЛАКТИКЕ МЕДИКО-СОЦИАЛЬНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ ПЬЯНСТВА И АЛКОГОЛИЗМА

В настоящее время социальное и экономическое бремя, вызванное употреблением алкоголя, увеличивается во всех странах. По оценкам ВОЗ, в результате вредного употребления алкоголя ежегодно происходит 3 млн смертей. С алкоголизмом связан ряд серьезных социальных проблем, в том числе преступность. По данным МВД Республики Беларусь, в последние пять лет в состоянии алкогольного опьянения совершается от 18 до 20 % всех зарегистрированных преступлений.

Концепция профилактики пьянства и алкоголизма в большинстве стран строится на подходах межведомственного взаимодействия. Мы поставили цель проанализировать роль мер межведомственного взаимодействия в профилактике медико-социальных последствий пьянства и алкоголизма в Республике Беларусь и оценить их соответствие основным направлениям Европейского плана действий по сокращению вредного употребления алкоголя, 2012–2020 гг. (далее – План действий).

Первое направление Плана действий предусматривает «лидерство, информированность и приверженность», в соответствии с которым начиная с 2000 г. в республике реализовано три государственных программы национальных действий по